

Кризис и конец эпохи идеологий

Особенность сегодняшнего кризиса состоит в глобальной растерянности. Люди чувствуют себя неуверенно по всему свету. Никто не понимает, что, по-хорошему, надо делать. При этом ничего действительно страшного и непоправимого не произошло, по крайней мере пока. Но в воздухе словно носится ощущение медленно, но неотврати-

тимо надвигающихся грозных событий. Как заметил один ироничный блогер в Живом Журнале, «перед тем как выплунуть, Бог нас жуёт медленно, как жвачку».

Что-то похожее было перед самым распадом Советского Союза. Уже за год-полтора до августовского путча (или неудачной августовской попытки контрреволюции) и Беловежских соглашений стало понятно, что скоро страна станет совсем другой. Крах СССР, болезненный слом

прежнего образа жизни и шоковые реформы приближались тоже медленно, не торопясь, что называется, «с оттяжкой».

Однако, что на самом деле означает нынешний медленный, затянутый темп кризиса? Может быть, на самом деле всё не так уж и плохо, и нас только зря пугают, как говорят, специально «кошмарят»? В этом и состоит задача СМИ — им постоянно нужна сенсация. Что может быть понятнее для прессы, чем производить

Алексей Беляев-Гинтовт «Родина-Дочь»

Алексей Беляев-Гинтовт «Родина-Дочь»

апокалиптические прогнозы, растянутые на долгие месяцы? Зато они постоянно будут держать в напряжении аудиторию и всякий раз восприниматься как сенсация. Полуисторическое внимание публики обеспечено. А там, глядишь, все забудется: страшен сон, да милостив Бог.

Нынешняя Россия — не идеологическая страна

Действительно, нам не дано предугадать, чем нынешние события обернутся. Нельзя знать свою будущую историю. Может, всё обойдется. Однако в сегодняшней ситуации удивляет та готовность, с которой именно у нас стали встречать плохие новости. Растерянность везде, но, возможно, нигде нет такого настроения, что всё это не случайно. Словно здесь, в России, люди в глубине души уже задолго до официально объявленного кризиса были готовы к глобальному, тотальному срыву.

Связано это с тем, что с падением Советского Союза у нас больше не было идеологического проекта, который был бы общим для всех. Для кого-то общественным идеалом выступила либеральная демократия, для кого-то советский социализм, для кого-то Византийская империя, но решающего общего согласия по

этому вопросу не было. Этим была вызвана путинская оборонительная политика, преимущественно тактического порядка, направленная на удержание и стабилизацию. Сегодняшняя Россия — не идеологическая страна. Чувство глубинной неуверенности в немалой степени имело место из-за отсутствия четкого плана «как нам обустроить Россию», с которым было бы согласно решающее большинство общества. Отсюда и неуверенность — от неопределённости с ответом на вопрос, в какой же стране и в каком мире мы живём?

Сегодняшний кризис — это кризис идеологии как таковой

Теперь вдруг глубинное чувство неуверенности и неопределенности оказалось присуще не только нам. Ведь если сравнить смертельный советский кризис двадцатилетней давности и кризис нынешний, уже всемирный, вот что можно заметить. Тогда у нас, разувверившись в идеологии коммунистической, захотели капитализма. Уверенность в «прекрасном далеке» основывалась на том, что под рукой была готовая «модель по сборке» — либерально-демократическая идеология. Был под рукой и

наглядный пример того, что все будет хорошо, — Запад. Там люди своими мозгами и руками создали себе «нормальную» жизнь, наконец-то надежно и удобно устроились на Земле в отличие от нас, горемык. Поэтому тот кризис проходил в каком-то экстазе, упоительной горячке. В Германии радостно сносили Берлинскую стену, стирая границу между Востоком и Западом, и мы этому радовались тоже. Музыкальным фоном радикальных перемен была «Ода к радости» Бетховена на слова Шиллера: «Обнимитесь, миллионы!»

Сегодня же приветствий надвигающейся грозе не слышно совсем. На этот раз под рукой нет ни готовой идеологической модели для сборки, ни конкретного примера того, где знают и умеют как надо. Дала сбой система западного образа и устройства жизни в целом. Под вопрос поставлена не только модель финансового капитализма, но и связанная с ним либерально-демократическая идеология. Оказывается, и она тоже не гарантирует надежного существования на Земле.

Однако особенность «текущего момента» в том, что на смену демократическому либерализму не приходит никакой другой идеологии, которая могла бы выступить ему альтернативой во всемирном масштабе. Ведь идеология лишь тогда

идеология, когда ее претензии носят универсальный характер, когда она претендует на целый мир, на то, что только на ее основе можно надежно устроиться на Земле. Тем самым возникает вопрос: не означает ли сегодняшний кризис, связанный с этим кризис либеральной модели и отсутствие модели альтернативной начало конца новоевропейской эпохи идеологий вообще?

Что такое идеология

Термин «идеология» ввёл французский философ и экономист А.Л.К. Дестют де Траси в начале XIX века для обозначения учения об идеях, которые позволят установить твёрдые основы для политики и этики. Идеология как таковая — это новоевропейский феномен, связанный с попыткой эмансипации человека от религии в Новое и Новейшее время. Суть его в том, что идеология претендует на понимание логики истории, на проникновение в эту логику и на обладание знанием, как должно быть устроено человеческое общество. Идеология строится рациональными средствами, апеллирует к рациональному знанию и предлагает проекты того или иного типа общественного устройства, которые человечество своими силами должно воплотить в реальной жизни. Поэтому идеология представляет собой попытку человека надежно устроиться на Земле лишь с опорой на собственные силы и разум. В этом смысле понятие «христианская идеология» — не меньший оксюморон, чем деревянное железо. Естественно, я не хочу сказать, что не может быть обществ, где господствующей формой общественного сознания будет христианство или другая религия. Но христианство неидеологично и неполитично. Оно ориентирует не на земное самоустраивание, а скорее на отказ от него в надежде на помощь Бога.

При этом нынешние призывы срочно создать новую «четвертую

теорию» ни к чему реально не ведут. Они лишь подчеркивают нынешнюю нехватку «теории» как таковой и растерянность человека перед вопросом, как же ему теперь быть.

К этому можно присовокупить, что неслучайно сейчас наблюдается вырождение политики. Нынешние ведущие политические деятели выглядят несерьёзно. Так венесуэльский президент Эво Моралес — скорее, пародия на кубинских революционеров сорокалетней давности, а, например, Николя Саркози — пародия на де Голля. Разочарование в политике и разочарование в идеологиях — феномены взаимосвязанные: оказывается, они не могут дать то, что обещают. И соответственно, на политической сцене, которая во многом уже лишь по инерции считается сферой соперничества и борьбы идеологий, ведущими деятелями оказываются полупародийные фигуры. Стоит только посмотреть на предыдущего президента США или президента нынешнего. Это, скажем так, не Рузвельты, не гении. Например, при взгляде на Б. Обаму возникает стойкое подозрение, что он на самом деле ничего не может и ничего не решает, а являет собой сугубо имиджевый проект.

Три главных идеологии

Либерализм, коммунизм и фашизм — вот три основные доминирующие политические теории, которые, как пишет французский консерватор Ален де Бенуа, породили множество промежуточных идеологических течений в XX веке¹. Он отмечает, что «теории, которые появились позже, раньше других исчезли. Фашизм, появившись позже всех, погиб быстрее всех остальных. Потом коммунизм. Либерализм — самая старая из трёх этих теорий — исчезает последним»².

Либерализм из этих трех основных идеологий наименее экспансионистский. В отличие от коммунизма он оставляет известное пространство

свободы за религией. В либерализме как идейном умонастроении вообще есть некоторое доверие к данностям жизни. Как писал Фридрих Хайек, «проследив совокупный эффект индивидуальных действий, мы обнаружим, что многие институты, на которых зиждутся человеческие достижения, возникли и функционируют без участия изобретающего и направляющего разума; что, по выражению Адама Фергюсона, «нации спотыкаются об установления, которые являются на самом деле результатом человеческих действий, а не человеческого намерения»³.

В то же время одна из определяющих черт либерализма лежит в области скорее антропологической — это понимание человека как самодостаточного автономного существа, исполненного «нервного чувства собственного достоинства», — по выражению нашего Константина Леонтьева. Коммунизм — это ставка на коллективное «мы», которое для философии коммунизма является подлинным основанием и средоточием бытия. Либерализм же — это ставка на индивидуальное «я» как на своего собственного господина. Кто более эффективен в освоении мира — индивидуальное раскрепощенное «я» или коллективное, объединенное «мы» — вот один из центральных пунктов расхождений между коммунизмом и либерализмом.

Смертельный кризис идеологии коммунизма и коммунистического строя случился 20 лет назад. Коллективное «мы» проиграло битву претендующему на автономию индивидуальному «я», потому что основанный на последнем строй жизни был одновременно и более гибким, и в то же время более отвечал внутреннему человеческому тщеславию и гордости. Если при коммунизме я лично должен еще смиряться перед партией и государством, отвечать их строгим, драконовским нормам, то при современном капитализме я могу вести уже почти какой угодно образ жизни. Однако, похоже, оказалось, что Вавилон — это всё же не очень надолго.

¹ Ален де Бенуа. Тезисы к четвертой теории // Профиль, 2008. № 47 (15 декабря).

² Там же. С. 28.

³ Хайек Ф. Индивидуализм истинный и ложный // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (первая половина XX века). М., 2000. С. 389–390.

Angel 41. «Palpitations», 2009

Правда, даже если мы правы в своем прогнозе наступившей смены эпох, понятно, что происходит она будет не одновременно. Прошлое всегда уходит не сразу, оно словно исчезает или осыпается частями. Не стоит ждать, что уже завтра нас ждет новый мир. Будущее будет отвоевывать себе место постепенно, а прошлое еще долго будет сопротивляться и цепляться за жизнь. Так, долго и постепенно уходила, сдавала полё боя античность, а потом, почти через тысячу лет — Средневековье.

Кризис — это суд

Слово «кризис» пришло из античности. По-древнегречески оно означает «суд». Если кризис понимать как суд над зарвавшимся человечеством, то нелепо рассчитывать на, как

говорят, «урегулирование кризиса», на удачную «борьбу с кризисом». Подсудимый не способен бороться с судом, по крайней мере на равных. Суд заканчивается лишь приговором. Лишь в этом смысле судебное дело может быть «урегулировано». И побег здесь тоже исключён. В сфере бытия, как отмечал М. Бахтин, алиби быть не может.

Окончательный приговор нынешнего суда-кризиса пока не озвучен, как и наказание. Но на сегодняшнем примере практически панического восприятия даже начальной стадии будущих весьма вероятных потрясений можно сделать вывод, что прочно устроиться человеку на Земле не получится, это невозможно. Человек и сам это в глубине души знает, иначе нынешних массовых панических настроений бы не было. Провозглашенный двад-

цать лет назад Ф. Фукуямой «конец истории» и необратимая победа либеральной идеологии также несбыточны, как и светлое коммунистическое будущее.

Что же касается России как неидеологической страны, то здесь можно, как это ни странно, попытаться извлечь из слабости силу. То, что совсем недавно представлялось очевидным недостатком, может парадоксальным образом обернуться преимуществом. В условиях конца идеологий отсутствие у нас господствующей идеологии дает нам большую степень свободы, чем у западных стран. Мы не привязаны ни к какому проекту, и значит, у нас более широкий горизонт зрения, и поэтому больше возможностей для действия.

Кроме того, мы, возможно, еще не успели привыкнуть к материальному достатку, который на исторически относительно непродолжительное время организовала у себя западная цивилизация и который мы в течение уж совсем короткого времени пытались устроить и у себя. Никогда человечество, по крайней мере его значительная часть, не жила так обеспеченно, как во второй половине XX века. Но разве кто-то давал стопроцентную гарантию, что это будет длиться вечно? А что касается нас, то, как говорил с некоторым надрывом и в то же время со смирением Василий Шукшин, «никогда хорошо не жили, не хрена и начинать».

Неважно жить в материальном плане — это только к лучшему в том смысле, что такое положение дел продолжает длиться историю. В христианской теологии последние времена однозначно связываются с временами всеобщего материального благополучия. Человек такой эпохи гораздо менее способен и к творчеству, и к самопожертвованию.

Однако отход от принципа идеологии как попытки деятельного самоустроения на Земле не обязательно означает отказа от активности вообще. По-своему может быть предельно деятелен торговец, по-своему офицер, по-своему монах. Вопрос в том, на что активная деятельность направлена: попытка ли это самодовольного самоустроения и самовозвышения, или это следование ценностям более высоким, чем земные ориентиры.

«Shelf life», 2009